

УДК 321.01+323.269.6

КОНЦЕПТ «БУНТ»: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ*А.В. Скиперских***Аннотация**

В статье речь идёт о политическом контексте русскоязычного концепта «бунт», который рассматривается в соотношении с концептами “ressentiment” и “resistance”, употребляющимися в политическом дискурсе в соответствии с существующим культурным контекстом. Выявлено, что разные цели и источники «бунта» в русской и европейской культурной и политической практиках могут приводить к определённым разночтениям при понимании данного концепта. Вместе с тем усложнение практик контроля над индивидом, совершенствование уже существующих форм принуждения и изобретение новых форм давления на общество способствуют и трансформации сопротивления, вырабатывающего новые методы и формы давления на власть.

Ключевые слова: бунт, власть, концепт, контекст, культура, ресентимент, сопротивление.

Присутствие политики во всех сферах общественной жизни означает как прямое, так и косвенное присутствие в них и политической власти. По мере исторического развития практики власти оказываются всё более совершенными. Политическая власть не утрачивает одного из своих важнейших свойств – тотальности, на что в своё время обратил внимание Р. Барт, заметив, что власть «гнездится в любом дискурсе, даже если он рождается в сфере безвластия» [1, с. 547].

В настоящей статье осуществляется герменевтический анализ концепта «бунт» в русском языке – одного из ключевых концептов, в которых природа сопротивления выражается наиболее ярко и точно, но вместе с тем и абстрактно. Понимание и прочтение концептов в политической науке связывается с методом политической герменевтики, относящимся к качественной методологии политологии [2, с. 19–20]. В основе метода политической герменевтики лежит «проблема понимания и интерпретаций в политике» [3, с. 6]. Этот метод предполагает взгляд на политику как на текст, состоящий из суммы концептов. В нашем случае концепт «бунт» как составляющая политического текста раскрывается во взаимодействии власти и сопротивления.

Существование власти означает и существование её диалектической пары – сопротивления. Склонность к сопротивлению может характеризовать конкретного субъекта, равно как и необходимость в осуществлении властных практик. Наличие сопротивления означает ещё и присутствие власти, чьей альтернативой и выступает сопротивление. Власть и сопротивление всегда представляются в диалектическом единстве, поэтому проблема содержания концепта «бунт» оказывается связанной с политическим контекстом. Необходимость определения

содержания данного концепта требует обращения к различным российским и зарубежным лексиконам. Сопоставление указываемых в них значений и позволит нам установить дискурсивные границы «бунта».

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль определяет *бунт* как ‘скоп, заговор, возмущение, мятеж, открытое сопротивление народа законной власти’ (I, с. 141). Любопытно и значение таких глаголов, как *бунтовать* и *бунтоваться*: ‘крамолить, мутить, побуждать к возмущению, восставать скопом против законной власти, быть участником возмущения или заговора, мятежа’ (I, с. 142). В концептологических штудиях «бунта» нас может заинтересовать также значение глагола *бунтиться*, в котором присутствует акцент на опасной речевой практике, нарушающей устоявшийся порядок вещей: он означает ‘волноваться, шуметь, строптиво кричать’ (I, с. 142). Действительно, нельзя недооценивать и тот факт, что недовольный чем-либо человек зачастую вербально демонстрирует свою позицию, причём в тот момент, когда громкие и шумные высказывания табуируются властью. Громкая речь, нарушающая спокойное и размеренное течение беседы, уже сама по себе может считаться покушением на порядок, своеобразным экстремизмом. Она, безусловно, не является проявлением бунта, но неким образом предполагает его перспективу.

Необходимо отметить, что значения слов *бунт* и *бунтовать* определённо подводят нас к необходимости различения за ними какого-то деятельного и мобилизованного актора, пытающегося открыто заявлять о своих правах в тот момент, когда подобное поведение не является популярной и легитимной формой выражения собственной позиции по каким-либо вопросам.

Авторы толковых словарей единодушны в понимании бунта. В словаре С.И. Ожегова *бунт* определяется как ‘стихийное восстание, мятеж’ (II, с. 60). Схожим образом понимается бунт и в «Большом толковом словаре русского языка» (III, с. 103). В «стихийности» раскрывается неожиданность бунта, его спонтанность и непредсказуемость для власти. Бунт связывается со стихией, от которой и приобретает неудержимость и всепроникающий характер. В неожиданности бунта, оказывающейся преимуществом для самого субъекта власти и его стратегии, есть и намёки на некие слабые стороны. В частности, в отношении продуманности и распланированности бунт может проигрывать другим формам выражения несогласия, имеющим более чёткую концептуальную основу. Идеологический дискурс бунта чувствуется и в примерах практической реализации бунта, предполагающей такие формы бунта, как «бунт против начальства» и «массовое проявление недовольства, неповиновения, несогласия с кем-либо или с чем-либо» (III, с. 103).

Подтверждением политического контекста бунта может быть его частое употребление в литературных текстах применительно к ситуации общественного неповиновения. В частности, обращение к «Словарю языка Пушкина» показывает, что слово *бунт* и его производные очень активно используются А.С. Пушкиным. Контент-анализ пушкинского текста свидетельствует о том, что слово *бунт* употребляется 72 раза, *бунтовать* – 29 раз, *бунтовщик* – 78 раз (IV, с. 190–191).

В словаре Даля встречается ещё одно значение бунта – ‘связка’ или ‘кипа’ (I, с. 141). В определённом смысле данное значение можно также рассмотреть

в контексте сопротивления как единения, взаимосвязи, скрепления во имя какой-то идеи. В одном из значений, обнаруженных нами у Даля, *бунт* толкуется как «верёвка, обручи, проволока» (I, с. 141). Парадоксальным образом бунт (средство для связывания) используется для обуздания бунта, для его усмирения: подобное лечится подобным. Так и бунтовщиков – вяжут, стягивают, пытаясь усмирить.

Лексикон С.И. Ожегова свидетельствует о существовании в речевой практике фразеологической конструкции *бунт на коленях*, под которой понимаются ‘робкие попытки борьбы, обречённые на неудачу’ (II, с. 60). Связанные с непониманием и, стало быть, одиночеством, такие попытки восстания заканчиваются неудачей. Возможно, именно данная фразеологическая конструкция имеет отношение к выражению *лучше умереть стоя, чем жить на коленях*.

Необходимо помнить о существовании в историческом процессе обществ с рабовладельческой стратификацией. Тогда в рабство могли попадать люди, ставшие пленниками в период войн. Разумеется, некоторые из них никогда не были рабами и не мыслили жизни в оковах. Вполне допустимо, что волею случая попадающие в рабство люди, не имеющие рабского происхождения и сознания, могли позволить себе сказать твёрдое «Нет!» любым попыткам обуздания. Вряд ли можно было представить, что господин мог обслуживать господина без каких-либо душевных мук и терзаний. Возникавшие в данном смысле восстания были бунтом против отсроченной, медленной смерти, связанной с политической экономией тела, о которой довольно убедительно выскажется Ж. Бодрийяр: в интересах политэкономии власти следует оставить человека живым и заставить работать на себя. «Грудящийся всегда остаётся человеком, которого не стали казнить, которому отказали в этой чести. И труд предстаёт прежде всего как знак унижения, когда человека считают достойным лишь одной жизни. Капитал эксплуатирует трудящихся до смерти? Парадоксальным образом, худшее, что он с ними делает, – это отказ в смерти. Отлагая их смерть, он превращает их в рабов и обрекает на бесконечное унижение – жить в труде» [4, с. 103].

Жизнь в постоянных заботах, связанных с трудом, представляется жизнью, лишённой каких-либо радужных перспектив. Жизнь в труде аскетична и сдержанна. Но и человек, избегающий рабства и постоянной отмеченности печатью труда, также вряд ли может обрести спокойствие и комфорт в состоянии бунта. Как отмечает А. Камю, «восстание само по себе – это аскеза, отвергающая всякий комфорт» [5, с. 167].

В русском языке *бунт* (несмотря на изначальный политический контекст, выражающийся в попытках усомнения в легитимности официальной институции) не имеет прямой связи с революционной претензией. Своеобразным подтверждением этой мысли стало знакомство со «Словарём современного русского народного говора», в котором осуществлена лексикографическая интерпретация говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области. Для нашего герменевтического анализа важным дополнением является значение бунта как ‘драки, скандала’ (V, с. 69). Политические коннотации здесь уже не кажутся такими очевидными.

А вот, скажем, в английском языке бунт, наоборот, имеет непосредственную связь с революцией, с претензией на изменение существующей дефиниции

политического режима. В частности, английское слово *revolt* определяется как ‘восстание, мятеж’. Есть и такие значения, как ‘отпадение и отталкивание’, тесным образом соотносящиеся со словом *revolution* ‘революция, круговое вращение’. Нам может быть интересно и такое значение *revolt*, как ‘отвращение’ (VI, с. 825). Человек, решающийся на бунт, как правило, имеет необходимость критической оценки некоей политической реальности, кажущейся отвратительной и уродливой, а потому и подвигающей его на протест. Отвращение к миру, его неприятие становятся преамбулой бунта. В Оксфордском словаре слово *revolt* определяется как ‘движение против угнетения, подъём протестной энергии’ (VII, р. 223). В немецком языке слово *Revolt*, равно как и в английском, означает ‘бунт’ и ‘мятеж’, осложняясь ещё и такими дефинициями, как ‘возмущение, недовольство’ (VIII, с. 701).

Смысловое поле концепта «бунт» является в каком-то смысле схожим со смысловым полем концепта “resistance”, определяющегося как ‘сопротивление’. Значение концепта «сопротивление» шире «бунта», потому как сопротивление может включать в себя много форм несогласия. Бунт, мятеж, восстание – куда более крайние и радикальные формы демонстрации собственной позиции, нежели ненасильственное действие, разрушающее авторитет власти исподволь. Есть и ещё оно значение, расширяющее рамки концепта “resistance” и представляющееся как ‘сопротивление сжатию’ (VI, с. 822). Сопротивление – это диалектическая оппозиция власти, которая как раз и призвана сжимать и репрессировать, удерживать объект.

Интересно, что в некоторых словарях сопротивление понимается и как ‘оппозиция’ (IX, с. 601). Это придаёт сопротивлению очевидный политический контекст. Между властью и сопротивлением существует некий паритет, выраженный в специфических правилах игры, закрепляющих особенности позиционирования в отношении друг друга. В данном смысле претензия сопротивления на расширение влияния, попытка нарушить существующий баланс, безусловно, понимается как стихийная, неожиданная акция, как попытка денонсировать существующие договорённости и регламенты.

Очевидное активное начало, выдающее стремление оппозиционного субъекта реализовать свои поведенческие стратегии, представлено и в английских глаголах *revoke* ‘отменять закон’ и *revolve* ‘вращаться, вращать’ (X, с. 416). В частности, заслуживает внимание одно из значений глагола *revoke* – ‘брать назад (обещание)’ (VI, с. 825). В интересующем нас контексте отозванное обещание как раз может быть связано с подчинением и следованием приказам и инструкциям. Бунтующий человек денонсирует существующие правила и договорённости, отзывая обещание подчиняться и выступать в качестве объекта приказа. В этом смысле показательно, как представляет бунтовщика М. Фуко. Его бунтовщик открыто заявляет: «Я больше не подчиняюсь» [6, с. 16]. По мнению французского философа, никакая власть не может сделать сопротивление полностью невозможным. М. Фуко отмечает, что «в любой Варшаве всегда будет восставшее гетто, и мятежники проберутся в него даже по городской канализации» [6, с. 16].

Человека могут испытывать его же бунтом через бесконечность данного вращения, через бесчисленное повторение одного и того же действия. Вспомним

гордеца Сизифа, закатывающего камень на гору: это было испытанием, посланным ему богами. Вспомним Тантала, тщетно пытающегося напиться и вкушать плодов, до которых не могут дотянуться его руки. В «Психиатрической власти» М. Фуко есть примеры терапии душевнобольных через подчас бессмысленный и бесполезный труд, назначаемый пациенту ради самого труда, ради того, чтобы чем-то занять его, отвлекая от дурных мыслей. Возможное использование индивида на тех или иных работах чётко регламентируется [7, с. 153]. В любом случае, власть способна выражаться через обременение индивида трудом, подчас бессмысленным. Подобный образ власти, в частности, и интересует нас, потому как тесным образом связывается с бунтарской сущностью индивида, то успокаивающегося, то, наоборот, громко заявляющего о своей претензии. В целом акцент на активном начале и претензии на некий пересмотр существующего порядка и «правил игры», на его ревизии и переосмыслении содержится в самом префиксе *re-*.

Государство всегда заинтересовано в производстве концептов и смыслов, облегчающих управление обществом. Экономика прямого принуждения вытесняется экономикой принуждения опосредованного, мишенью которого в первую очередь выступает сознание индивида. За счёт постоянных апелляций к сознанию индивида с помощью продуцируемых смыслов и символов как раз и происходит легитимация правящих элит. Здесь мы можем стать свидетелями ситуации, когда определённо оправдываются попытки оперирования технологиями *soft-power* вместо прямых и довольно затратных контактов с обществом. Власть становится всё более опосредованной, постепенно отказываясь от физического принуждения в пользу более интеллектуальных форм принуждения, позволяющих транслировать необходимые смыслы на дистанции.

Несомненно, власть заинтересована в наделении концепта «бунт» идеологическими коннотациями. Для этого нужно устранить другие смыслы, объясняющие бунт в каких-либо других дискурсах, кроме дискурса власти. В таком случае концепт «бунт» рассматривается исключительно с позиции сопротивления власти, с позиции нежелательной и наказуемой поведенческой стратегии. Подтверждением этому могут стать практики предупреждения любых попыток сопротивления, трансформирующиеся в комплекс законов и мер, ограничивающих бунтующего человека в выборе методов и форм давления на власть. Человек, выступающий «против», автоматически записывается в бунтовщики. Власть привыкла к безусловному подчинению, что делает бунт покушением на её целостность.

Любые уточнения и спецификации бунта здесь выступают нежелательными для власти. Это будет способствовать, на наш взгляд, в конечном счёте «оправданию» бунтующего человека. Кстати, именно об этом и говорит итальянский концептолог Д. Сартори, когда приводит пример абстрагирования концепта за счёт «сокращения количества его свойств, или атрибутов» [8, с. 153]. Наоборот, исследователь концепта может сознательно работать в сторону расширения дискурсивных границ концепта. Это будет способствовать уточнению и расширению концепта за счёт развёртывания содержания. При этом будет складываться ситуация, когда концепт будет «конкретизироваться через добавление

(или развёртывание) характеристик, то есть приращение отличительных свойств или качеств» [8, с. 153].

Несмотря на неподдельный исследовательский интерес к проблеме расширения концепта «бунт», существует и интерес самой власти, которой выгодно любое отклонение от существующих правил, в итоге приводящее к оправданию номинализации бунта. В данном смысле любое проявление гражданской активности может означать бунт, попытку поправа существующего порядка. В этом смысле показательно, как негативно российская власть воспринимает попытки выражения частью гражданского общества своей позиции по поводу обострения российско-украинских отношений. Проведение «Марша мира» в Москве и ряде других российских городов, антивоенные митинги, одиночные пикеты против насилия, деятельность комитетов солдатских матерей и правозащитных организаций автоматически понимаются как политическая девиация. Любое расхождение с официальным курсом государства по поводу темы Украины считается едва ли не национал-предательством.

Вообще говоря, вряд ли можно подвергнуть сомнению тот факт, что человек, решающийся на бунт, является подверженным недовольству. Его терпение лимитировано, поэтому бунт оказывается следствием ситуации, когда бунтующий человек «слишком много терпел» [5, с. 167]. Бунт не может продолжаться долго. Период, в течение которого бунт объективируется, гораздо меньше по времени, нежели период подчинения и исполнения приказов. В своё время на «иррегулярный характер» сопротивления обратил внимание немецкий политический философ К. Шмитт [9, с. 11].

Продолжая герменевтический анализ концепта «бунт», необходимо отметить и его связь с концептом “*riot*”, трактуемым как ‘noisy, uncontrolled behavior’ (‘шумное, не поддающееся контролю поведение’) (VI, с. 228). Концепт “*riot*” определяется также как ‘разгул, буйство, цветение’ (XI, с. 52). В этом смысле отчасти понятна логика использования данного концепта в названии известной своими политическими перформансами панк-группы “Pussy Riot”. Участницы панк-группы представлялись в разноцветных балаклавах и яркой одежде. При этом их поведение могло определяться как *uncontrolled behavior* в смысле конфликта с традиционными поведенческими моделями, принятыми в России.

Существует связь концепта «бунт» и с таким концептом, как “*resentment*” ‘‘негодование, возмущение’ (ср. глагол *resent* ‘негодовать, возмущаться, обижаться’) (VI, с. 817). В немецком языке *Ressentiment* – это ‘(затаённая) обида, (скрытая) враждебность’ (VIII, с. 700). Присутствие скобок не является случайным. Концепт “*Ressentiment*” означает замаскированное и очень опасное состояние, когда реальные чувства и ощущения индивида не демонстрируются публично, а, наоборот, относятся к миру внутреннему, накапливая и переживаясь имплицитно.

В этом смысле может показаться интересным комментарий немецкого философа М. Шелера, определявшего *Ressentiment* как «душевный динамит», как глубоко запрятанное чувство злобы. Показательно, как Шелер конкретизирует действие этого «динамита». В тексте «Ресентимент в структуре моралей» немецкий философ говорит о слуге, испытывающем озлобление. В частности, «если слуга, с которым плохо обошлись, позволит себе “выругаться в прихожей”, он не

впадёт в ту внутреннюю “ядовитость”, что свойственна ресентименту; но это произойдёт, если он должен будет делать “хорошую мину при плохой игре” (как это пластично выражает поговорка), затаив в себе отрицательные, враждебные аффекты» [10, с. 18–19].

Во французском языке значений у слова *ressentiment* гораздо больше. Это 1) ‘злопамятство, злоба, горькое воспоминание’; 2) ‘озлобленность, враждебность’; 3) ‘горечь’; 4) ‘признательность’ (XII, с. 952). Человека, испытывающего подобное состояние, можно сравнить со сжатой пружиной, готовой откинуться и выстрелить. Перед резким выпадом (раскрытием себя в бунте) необходимо сжатие (накопление обиды). Так озлобление человека предшествует бунту, в момент которого накопленная обида «обналичивается», отделяясь непосредственно от человека и достигая тех или иных целей в публичном пространстве.

В европейской философской и политической мысли заметно противопоставление «озлобленного человека» и бунтующего человека. Первый тип был концептуализирован Максом Шелером, а второй стал объектом исследований Альбера Камю. Действительно, можно терпеть издевательства и репрессии, глубоко затаив обиду и озлобление, но можно однажды и оправиться от этой унижительной летаргии. Озлобление может проникать в коллективную ткань и измеряться огромными сроками культурного молчания. Именно эта замечательная мысль будет развёрнута однажды английским философом И. Берлином в эссе «Молчание в русской культуре» [11]. Наряду с коллективным молчанием существует и внезапная ярость манифестации и уличного протеста, носящего спонтанный, электрический характер.

Современная политическая практика показывает, что у человека, выбирающего путь бунта, шансы реализовать своё право на протест напрямую связываются с политическим режимом, доминирующим в том или ином государстве. Если мы имеем дело с тоталитарным или авторитарным режимом, то протест превращается в пассивное озлобление, будучи не способным объективироваться в публичном пространстве. Правовых оснований реализовать протест в политических системах, квалифицирующихся как тоталитарные или авторитарные, очень мало. Страх людей выражать и демонстрировать своё мнение становится серьёзным блокиратором их гражданских потенциалов. Со временем необходимость в протестном выражении может притупляться, либо исчезнуть совсем. Наоборот, если речь идёт о демократическом режиме, то протест имеет шансы быть реализованным в публичном пространстве, явив человека бунтующего во всей гражданской ярости.

Озлобление обращено внутрь, оно порождает некую особую коллективную волю, потому как подобное чувство может испытывать огромное количество людей. Действительно, а куда деться протестной энергии, в случае если отсутствует клапан, предназначенный для её выхода? Т. Гарр как-то отметил, что «большинство недовольных людей – это не революционеры. Они могут быть озлобленными, но предпочитают мирные средства для достижения своих целей превратностям и рискам революционной деятельности» [12, с. 355].

Таким образом, Гарр отделяет по-настоящему активных и харизматических одиночек от остальной революционной массы, скрепляющейся скорее не необходимостью бунта, но озлоблением внутри, формирующим некий монолит,

отвердевающий в определённом общественном мнении масс. К слову, это проявляется в устойчивых, стереотипических восприятиях массами тех или иных феноменов (в частности, богатства, власти, справедливости и т. д.). Наоборот, бунтующий человек обращает протестную энергию наружу. Направление протестной энергии таргетировано – это и преобразование мира, и конкретные политические мишени.

Концептологический экскурс придаёт нам уверенности в том, что человек ресентимента и человек бунта будут отличаться в культурном и политическом пейзаже. Смурый человек ресентимента будет одинаково исподлобья наблюдать как за разгулявшимся пролетарием, так и за элегантным денди. Действительно, образ бунта оказывается очень зависимым от культурной традиции, существенно корректирующей его цели, форму, средства, время и место, эстетическое восприятие в целом [13].

Тем не менее озлобленному человеку довольно легко трансформировать свою злобу в бунт и превратиться в бунтующего человека (“resentment” > “revolt”). Возможна и обратная метаморфоза, когда бунтующий человек, распыливший своё творчество и привлекательность, остаётся без идеи. Тогда велика вероятность его превращения в человека озлобившегося. Об этом в своих текстах как раз и говорит А. Камю: «Как только бунт, забыв о своих щедрых источниках, заражается злобой, он начинает отрицать жизнь, устремляется к разрушению и порождает целую когорту мерзко ухмыляющихся мятежников, рабского отродья, которое сегодня на всех рынках Европы готово запродавать себя в любую кабалу. Он перестаёт быть бунтом и революцией, превращаясь в злобу и тиранию» [5, с. 355].

Обращение к различным лексиконам позволяет нам установить, что концепт «бунт», определяемый в широком смысле как восстание, мятеж, сопротивление, а также подъём в ответ на угнетение и эксплуатацию, находится в постоянном развитии, прирастая новыми смыслами. Существенным образом этому способствует и сама политическая практика, постоянно прирастающая различными сюжетами противостояния в рамках диалектической оппозиции «власть – сопротивление».

Любая попытка посягательства на власть означает бунт, претензию на позицию власти. Правящая элита не оставляет оппозиции много шансов, воспринимая подобные попытки буквально как бунт, довольно жёстко фиксируя эту опасную практику в дискурсе власти. Соответственно, расширение форм политического участия, появление новых практик давления на власть (сетевой протест, активизация оппозиционной блогосферы, театрализованный протест, арт-протест, политические перформансы и т. д.), а также отказ от традиционных фронтальных практик столкновения с властью определённым образом расширяют смысловое поле бунта, способствуя тем самым расширению концепта. Усложнение мира, умножение его структур приводит к усложнению практик принуждения человека, его репрессирования и дисциплинаризации. Дискурс власти становится всё более изобретательным, но наряду с этим изобретаются и новые формы и методы сопротивления.

Summary

A.V. Skiperskikh. The Concept "Revolt": A Hermeneutic Journey.

In this article, we are talking about the political context of the Russian concept "revolt", which is considered in correlation with the concepts "resentment" and "resistance" used in the political discourse according to the existing cultural context. From our point of view, different goals and sources of the concept "revolt" in the Russian and European cultural and political practice can lead to certain differences in its understanding. However, complication of control practices, improvement of the already existing forms of coercion, as well as invention of the new forms of pressure on society contribute to the transformation of resistance, resulting in the new methods and forms of pressure on power.

Keywords: revolt, power, concept, context, culture, resentment, resistance.

Источники

- I – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб.: Диамант, 2002. – Т. 1. – 704 с.
- II – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Сов. энцикл., 1973. – 847 с.
- III – Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
- IV – Словарь языка Пушкина: в 4 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. – Т. 1. – 806 с.
- V – Словарь современного русского народного говора. – М.: Наука, 1969. – 612 с.
- VI – Большой англо-русский словарь. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001. – 1168 с.
- VII – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English: in 2 v. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1982. – V. 2: M-Z. – 528 p.
- VIII – Немецко-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1998. – 1040 с.
- IX – Русско-английский словарь. – М.: Рус. яз., 1991. – 768 с.
- X – *Романов А.С.* Русско-английский и англо-русский словарь. – М.: Космос, 1992. – 509 с.
- XI – *Уилер М.* Оксфордский русско-английский словарь. – М.: Локид, 2000. – 920 с.
- XII – Новый французско-русский словарь. – М.: Рус. яз. – 1198 с.

Литература

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 615 с.
2. *Жеребцов М.В.* Качественные методы в прикладном политологическом исследовании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. – 2005. – № 3. – С. 19–33.
3. *Скиперских А.В.* Методы политологической науки в комментариях и схемах. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005. – 28 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2009. – 387 с.
5. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
6. *Фуко М.* Восстановить бесполезно? // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 5 (79). – С. 16–20.
7. *Фуко М.* Психиатрическая власть. – СПб.: Наука, 2007. – 450 с.
8. *Сартори Д.* Искажение концептов в сравнительной политологии (II) // Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 152–160.

9. *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. – М.: Праксис, 2007. – 301 с.
10. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. – СПб.: Наука, Унив. кн., 1999. – 231 с.
11. *Берлин И.* Молчание в русской культуре // История свободы. Россия. – М.: Новое лит. обозрение, 2001. – С. 122–133.
12. *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
13. *Скиперских А.В.* Время и место бунта: европейская и русская традиция // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 2 (2). – С. 385–389.

Поступила в редакцию
25.08.14

Скиперских Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия.
E-mail: AVSkiperskikh@hse.ru